

RU

Тайваньский язык гоюй:
основные особенности грамматических конструкций

Курдюмов В. А.

Аннотация. Целью исследования является дальнейшее представление целостного облика тайваньского языка гоюй (ТГЮ) – в данном случае – в виде системной интерпретации грамматических явлений, отличных, – в силу языкового контакта с тайваньским миньнаньским идиомом, обособления, перехода узуса в фактическую норму, консервации предыдущей нормы – от континентального языка путунхуа (КонтПТХ). Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в российской китаистике грамматические черты ТГЮ представлены как системный результат процессов контактной конвергенции (миньнаньский субстрат и адстрат, японское колониальное наследие), консервации норм первой половины XX века, а также внутренней динамики, при этом исследование базировалось на принципах предикационной концепции языка (язык в динамике, диалектный процесс). В результате исследования систематизированы и проиллюстрированы аутентичными примерами свыше двадцати пяти грамматических явлений ТГЮ, сгруппированных по семи областям – от глагольных сочетаний (вид, модальность, результативы) и служебных лексем до разговорных стяжений и письменных японизмов; установлено, что ключевые конструкции являются для тайваньского социума уже полноценной устной нормой, а не «ошибками» или «диалектизмами».

EN

Taiwanese Guoyu: Main Features of Grammatical Constructions

V. A. Kurdyumov

Abstract. The study aims at a systematic inventory and typological interpretation of the main grammatical features of Taiwanese Guoyu (Taiwan Mandarin) as compared to the Mainland standard Putonghua, both idioms deriving from the pre-1949 Guoyu standard of the Republic of China. For the first time in Russian sinology, the grammatical features of Taiwan Mandarin are presented not as a list of scattered “deviations” from the mainland norm, but as a systemic result of contact-induced convergence (Southern Min substrate and adstrate, Japanese colonial heritage), preservation of early twentieth-century norms and internal dynamics; within the Predicational Conception of Language, they are interpreted as a processual continuum between the school standard Guoyu and the Southern Min (Taiwanese) language. The grammatical phenomena are systematized and illustrated with authentic examples, grouped into 3 areas. It is demonstrated that the key constructions constitute a full-fledged oral norm of the Taiwanese society rather than “deviations”. The findings are relevant for teaching Chinese, for comparative typology and for the theory of language contact and grammaticalisation.

Введение

Данным текстом продолжается комплексное исследование тайваньского языка гоюй (ТГЮ), уже представленное рядом статей и докладов, посвящённых – ранее – фонетике, фразовым частицам и дискурсивным понятиям тайваньского языка гоюй (Курдюмов, 2025).

В силу специфики изучения китайского языка в России (и, собственно, почти во всём мире) под «особенностями» подразумеваются отличия от современного «общепринятого учебного китайского» – т. е., де-факто, континентального языка путунхуа (КонтПТХ).

С нашей точки зрения, компетенции профессионального китаиста неизбежно должны включать не только (догматическое) знание «вузовского» варианта современного китайского разговорного языка *байхуа* на уровне градаций экзамена HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi, китайский континентальный квалификационный экзамен по китайскому языку для иностранцев) или, к примеру, российского школьного ЕГЭ, но и (хотя бы минимальное, но всё же – системное) представление о региональных и функциональных разновидностях

«общего китайского языка». Под «общим китайским» мы подразумеваем здесь абстрактный конструкт, единство, включающее КонтПТХ, ТГЮ, классический литературный язык вэньянь (文言文), «диалекты»/тополекты, другие региональные варианты, языки официальной деловой переписки (к примеру, язык гунвэнь говэнь (公文國文) на Тайване).

В силу сохраняющейся недостаточности изучения специфики ТГЮ в России особенности единиц различных уровней (фонетики, лексики и, тем более, грамматических явлений и организации текста) этого языка воспринимаются большинством российских китайедов либо как незначительные, либо как некие (досадные) «отклонения» или «искажения», тем более, если принять во внимание (совершенно непонятную нам) фобию на иероглифы в традиционном написании и различные курьёзные формулировки типа «на Тайване говорят на древнем языке вэньянь»; быстрое и масштабное расширение обучения китайскому языку зачастую обратно пропорционально качеству и глубине изучения. Сложившиеся легковесные стереотипы «подразумевают» генезис ТГЮ якобы на основе КонтПТХ, хотя пра-основой и того, и другого варианта, формировавшихся долгое время обособленно, в целом явился язык гоюй Китайской Республики до 1949 г.

В России особенности ТГЮ системно затрагивались в статьях и учебных пособиях Тан Мэн-вэя (Тан, Жигульская, 2023а; 2023b). Кроме того, определённые особенности ТГЮ упоминались в советских учебниках (включая школьные до середины 1980-х гг. (в 1984 г. были внезапно возобновлены академические контакты СССР и КНР, прекращённые в 1966 г.), поскольку в качестве источников использовались в том числе и тайваньские материалы (равно как и значительное число сингапурских), при этом китайский язык 1950-1960-х гг. в значительной степени сохранял черты языка до 1949 г., достаточно хорошо известного в советских академических кругах того времени.

Тем не менее, поскольку для западных студентов и исследователей препятствий при обучении и работе на Тайване не возникало, то появилось значительное число зарубежных трудов, посвящённых особенностям ТГЮ. Конкретно грамматические явления рассматривались в сопоставительных трудах Роберта Чэна (Cheng, 1985) и Корнелиуса Кублера (Kubler, 1985а), в которых грамматика ТГЮ впервые была одновременно соотнесена с миньнаньским (тайваньским) языком (*тайги, хокло, 台語*) и с пекинским стандартом.

Актуальность исследования обусловлена: усиливающимся вниманием к проблематике китайского мира и специфике Тайваня в контексте эволюционирующей международной ситуации; продолжающимися образовательными, академическими и деловыми контактами, требующими от российских китайистов понимания особенностей тайваньской устной и письменной речи; необходимостью типологически корректного описания вариативности «общего» китайского языка, при котором региональные стандарты рассматриваются как варианты движения узуса и нормы во времени (а не как «девиации»); наконец, значимостью ТГЮ как «естественной лаборатории» контактной трансформации грамматики – для общей типологии, ареальной лингвистики и теории языковых контактов, социолингвистики.

Задачи исследования: 1) инвентаризация наиболее явно выраженных грамматических особенностей ТГЮ с группировкой по областям; 2) выявление генезиса явлений: миньнаньская калька, японизм, консервация нормы до 1949 г., внутренняя инновация или сдвиг узусальной частотности единиц; 3) установление статуса в диапазоне «норма – окказиональность»; 4) интерпретация материала в терминах предикационной концепции языка и концепции диалектного процесса.

При решении поставленных в работе задач использовались следующие методы исследования: сопоставительный (контрастивный) анализ ТГЮ, КонтПТХ и тайваньского миньнаньского языка – в целях выявления собственно грамматических расхождений между тайваньским и континентальными стандартами, а также – для установления миньнаньского источника калькированных конструкций (при его наличии); метод полевого наблюдения и работа с информантами – носителями ТГЮ (2009-2026 гг.), – в целях верификации реально-го устного функционирования конструкций, фиксации употреблений, не отражённых в существующих источниках, а также – для отсева явлений, остающихся на периферии узуса; анализ корпусных данных – в целях подтверждения аутентичности иллюстративного материала и оценки частотных характеристик единиц, формально так или иначе общих с КонтПТХ, но различающихся по употребительности; наконец, элементы социолингвистической оценки приемлемости – в целях идентификации статуса каждого явления на континууме нормативности (от окказиональной интерференции до полноценной устной нормы) и его соотнесённости с социальными характеристиками говорящих.

Материалы исследования: собственные полевые записи устной коммуникации (г. Тайбэй и другие города Тайваня, 2009-2026 гг.); корпус примеров, собранный Цзэн Синь-и (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003); сопоставительные данные (Cheng, 1985; Kubler, 1985а); словарные ресурсы Министерства образования Тайваня: 重編國語辭典修訂本 (Словарь Государственной академии педагогических исследований Тайваня 國家教育研究院: <https://dict.revised.moe.edu.tw>) и Словарь наиболее употребительных выражений тайваньского миньнаньского языка (教育部臺灣台語常用詞辭典: <https://sutian.moe.edu.tw>).

В качестве теоретической базы использовалось несколько групп концепций, в совокупности отражающих достигнутую степень изученности проблемы. Ареальные и типологические концепции языковых контактов, пиджинизации и креольского континуума применены к тайваньскому материалу в диссертации Цзэн Синь-и (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003) – наиболее полном на сегодняшний день корпусно-иллюстрированном описании синтаксиса ТГЮ. Методологически оно восходит к модели языкового континуума Дж. Рикфорда (Rickford, 1987), позволяющей рассматривать промежуточные идиомы не как «испорченные» реализации стандарта, а как упорядоченную шкалу переходных состояний. Понятийный аппарат работы включает концепцию тополекта, предложенную В. Меиром (Mair, 1991) и введённую в отечественный научный оборот

Ю. А. Дрейзис (2022): она снимает идеологически чувствительное применительно к китайскому миру противопоставление «язык – диалект» и лишена пейоративных коннотаций. Субстратно-адстратное взаимодействие идиомов гоюй и миньнаньского, а также элементы креолизации на Тайване системно описаны в основополагающих работах К. Кублера (Kubler, 1985a; 1985b), впервые представившего ТГЮ как целостный результат языкового контакта, и Дэн Шоу-синя (鄧守信 [Дэн Шоу-синь], 2022), давшего взвешенную оценку статусу «тайваньского» и «тайванизированного» вариантов гоюй в системе современных китайских идиомов. Концепция «индигенизации» («укоренения») китайского языка на Тайване была предложена и подробно разработана Хэ Вань-шунем (何萬順 [Хэ Вань-шунь], 2010); суммирующей на данный момент является энциклопедическая статья (Kho, Her, 2025). Продуктивную типологическую параллель предоставляет контактная вариантология и концепция региональных вариантов языка З. Г. Прошиной (2021), разработанная на материале английского языка, но вполне применимая к вариантам китайского. В только что вышедшей работе Хэ Вань-шуня и Хэ Пэй-сюань «Осмысление целевого языка и языка обучения в преподавании китайского языка как иностранного на Тайване» (何萬順, 何佩萱 [Хэ Вань-шунь, Хэ Пэй-сюань], 2026) применительно к ТГЮ как иностранному языку при обучении в вузах воспроизводится также концепция «трёх кругов» Раджа Качру, положенная в основу трудов З. Г. Прошиной.

Собственные работы автора привлекаются в качестве методологической рамки и оценки предшествующих этапов исследования. Это предикационная концепция языка как основа описания, в том числе и китайского языка (Курдюмов, 2005), в рамках которой язык понимается как совокупность предикационных цепей – процессов порождения и восприятия, а нормы – как временно устойчивые состояния этих процессов; развиваемая на её основе авторская концепция диалектного процесса, трактуемая расхождение идиомов не как членение статичной «системы», а как расщепление и параллельное развёртывание предикационных процессов в разделённых социумах; а также ранее опубликованные (Курдюмов, 2025) описания фонетики, лексики и дискурсивной реальности ТГЮ (в указанном издании грамматика затрагивалась незначительно, лишь в виде двух правил).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты применимы при разработке курсов китайского языка, сравнительной типологии, теории и практики перевода, страноведения и лингвострановедения, а также при подготовке студентов к зарубежным стажировкам и практической коммуникации в тайваньской языковой среде. Эффективность предложенного подхода подтверждается апробацией курса сравнительной типологии в Государственном университете Чжэнчжи (NCCU, Тайбэй) в 2020 г. для российских и тайваньских студентов, а также многолетней преподавательской практикой автора и чтением лекций в регионах китайского мира.

В качестве функциональных символов в тексте использованы обозначения: NP – именное словосочетание, VP – глагольное словосочетание, N – имя существительное, V – глагол, – принятые в генеративной лингвистике и используемые нами лишь в целях компактности изложения (и не более). Примеры, если обратное не оговорено ссылками, – из собственного корпуса, основанные на нашем опыте повседневной коммуникации и проверенные с помощью преподавателей китайского как иностранного, филологов и обычных носителей. Для транскрипции (в косых скобках) использована азбука «Ханьюй пиньинь цзыму» (漢語拼音字母), называемая на Тайване «Лома Пиньнь» (羅馬拼音), приближенная к фонематической записи.

Обсуждение и результаты

Термин *гоюй* (國語) в буквальном переводе означает «государственный/национальный» язык и используется на Тайване применительно к китайскому языку. В континентальном Китае государственный язык с начала 1950-х гг. именуют *путунхуа* (普通話; букв. «общее говорение»). Кроме того, существует общий термин *хуаюй* (華語), подразумевающий а) варианты китайского языка в различных странах (Сингапур, Малайзия и т. д., в том числе и на территории Тайваня), б) китайский как иностранный на Тайване. Таким образом, *гоюй* – это тайваньский *хуаюй*. Общепринятым заблуждением является отождествление всех вариантов: *путунхуа*, *гоюй*, *хуаюй*. Таким же образом варианты английского языка в Индии, Малайзии, Сингапуре ранее рассматривались как идентичные некоему «базовому английскому», но якобы – с локальными «девиациями», затем всё же была сформирована концепция регионалектов (региалектов, регионолектов), где перечисленные идиомы стали рассматриваться как а) самостоятельные (и достойные изучения как таковые), б) как результат языковых контактов (ареального взаимодействия) (Прошина, 2021).

В наших работах мы использовали собственную концепцию *диалектного процесса*, под которым подразумевается процесс обособления языков, имеющих некий общий (язык-)предшественник, при этом вне зависимости от оценки результирующего состояния («диалект», «язык», «говор», «наречие» и т. д.) предполагается, что обособленный/обособляемый вариант обладает системными свойствами на любой стадии и может становиться объектом комплексного анализа, вне зависимости от политической или идеологической оценки; при этом одним из весомых факторов является ареальное взаимодействие. Концепция диалектного процесса (как и, к примеру, более ранняя концепция позиционной морфологии) предложена нами в рамках более общей предикационной концепции языка, предполагающей, что язык рассматривается не как система знаков, а как системный процесс, совокупность предикационных цепей (процессов порождения и восприятия) в синхронии и диахронии (Курдюмов, 2005).

Несколько иным (но аналогично – направленным на достижение объективности оценки результатов) подходом является концепция Виктора Меира (Mair, 1991), сформированная на материале рассмотрения локальных вариантов применительно именно к китайскому миру. В. Меир (Mair, 1991) обосновал понятие

«тополекта» (topolect), где сам термин является, по сути, буквальным переводом китайского термина 方言 /fāng yán/, который долгое время (скорее всего, не слишком обоснованно) переводили как «диалект». В российском китаеведении такой концепции придерживается Ю. Дрейзис (2022). Собственно, сам термин удобен тем, что позволяет избежать постоянных сомнений при выборе сигнификативно эквивалентных, но коннотативно противопоставленных «полюсных» понятий «китайский язык» и «синитические языки».

В поздних трудах Дэн Шоу-синя (鄧守信 [Дэн Шоу-синь], 2022) обоснованы понятия «тайваньский гоюй» и «тайванизированный гоюй» (перевод наш; при этом китайские термины 台灣的國語 /Táiwān de guóyǔ/ и 台灣國語 /Táiwān guóyǔ/ легко спутать), где первый рассматривается как академическая норма, второй – как язык повседневного общения, и, кроме того, «тайванизированный гоюй» де-факто является креольским языком (закрепившимся с течением времени пиджином).

Подобной же точки зрения придерживается Корнелиус Кублер (Kubler 1985a) в монографии «Становление китайского языка на Тайване», где исследован процесс формирования ТГЮ под ощутимым одновременно как субстратным, так и адстратным влиянием тайваньского миньнаньского языка (閩南語、台語, *хокло, тайги*). К. Кублер рассматривал интерференцию на уровне фонетики, грамматические кальки из *хокло*, лексические заимствования на основе тайваньских реалий, лексико-грамматические элементы (частицы), тенденции трансформации социолингвистической стратификации, то есть деления на *бэньшэнжэнь* 本省人 – коренных тайваньцев, говорящих на миньнаньском, и *вайшэнжэнь* 外省人 – выходцев из материкового Китая, прибывших после 1949 г.; деление в настоящее время достаточно стёрто и во многом не (само)идентифицируется современными молодыми тайваньцами.

С точки зрения К. Кублера (Kubler 1985a), ещё в 1980-е гг. ощутимое влияние *хокло* на гоюй маркировалось как просторечие, признак «недостаточного образования» или провинциальности, а эталоном по-прежнему считалась речь старых материковых элит. По состоянию на 2026 г. прогноз К. Кублера о формировании устойчивого, самобытного ТГЮ полностью подтвердился, при этом миньнаньские черты перестали считаться (не всеми носителями, но тем не менее) «ошибками интерференции» и фактически перешли в статус маркеров национальной идентичности тайваньцев, закрепившись в словарях, на телевидении, в театре.

Кроме того, К. Кублер (Kubler, 1985b) был одним из тех, кто ввёл в научный оборот понятие т. н. «европеизированного» (europeanized) китайского языка, которое вполне очевидно выводится при сопоставлении диахронных состояний, но, скорее всего, никогда не признавалось в (пост)советской лингвистике.

Обобщающий характер носит диссертация Цзэн Синь-и «Синтаксические структуры современного тайваньского гоюй» (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003), где, вслед за Дж. Рикфордом (Rickford, 1987), предложено описание ТГЮ как континуума (continuum, 連續面) между академическим стандартом гоюй и миньнаньским языком, а каждая конструкция снабжена корпусом аутентичных примеров.

Джон Рассел Рикфорд в монографии «Пространства языкового континуума» (Rickford, 1987) представил модель языкового континуума (непрерывности при взаимодействии уровней) применительно к креольскому языку в Гайане. В системе понятий Рикфорда в креольских языках выделяемы уровни *акролекта* (acrolect, «высший»), *мезолекта* (mesolect, «средний») и *базилекта* (basilect, «низший»), границы между ними размыты, и в живой речи носители естественно переключаются между ними в зависимости от ситуации (термины существовали и до Рикфорда). Применительно к ТГЮ акролектом будет «гоюй учебников», рафинированный академический стандарт факультетов китайской филологии, основанный на континентальных нормах до 1949 г. и во многом приближенный к КонтПТХ, мезолектом будет реальный разговорный тайваньский гоюй, базилектом – язык *хокло/тайги*. Анализ различий модели Рикфорда (и его предшественников) и классической ареальной теории с понятиями *субстрата*, *адстрата* и *суперстрата*, скорее всего, может стать предметом отдельного научного рассмотрения.

Как было отмечено нами ранее, ТГЮ не является «производным» от КонтПТХ: оба идиома – параллельные наследники языка гоюй Китайской Республики до 1949 г., сформированные после разделения территории и языка-источника, без общей внутренней истории. Следовательно, часть особенностей ТГЮ представляет собой не инновации, а консервацию норм первой половины XX в., утраченных на континенте (ниже см., например, чтение союза 和 /hàn/, а не /hé/).

Кроме того, значительная часть явлений ТГЮ восходит к субстратно-адстратному влиянию миньнаньского (южнофуцзяньского, тайваньского) языка – родного для большинства населения острова на момент массового внедрения гоюй после 1945 г.; отдельные явления – к японскому языку колониального периода (1895-1945 гг.); часть представляет собой не инновацию инвентаря, а сдвиг узальной частотности единиц, общих с КонтПТХ. Напомним, что до 1945 г. «пекинский» китайский был на Тайване под запретом, и ситуация двуязычия в то время складывалась как «официальный японский + разговорный бытовой *хокло*».

Далее, грамматические особенности ТГЮ образуют не дискретный список «искажений», а континуум (連續面) (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003), при этом выделяются конструкции, а) полностью вошедшие в тайваньскую норму и не осознаваемые носителями как «нестандартные» (видовое 有 /yǒu/ + V), б) широкоупотребительные, но в настоящее время осознаваемые как «разговорные», в) окказиональные интерференции («тайваньский гоюй» 台灣國語 в узком, слегка ироническом смысле), маркирующие идиолекты с доминирующим миньнаньским. Показателен приводимый Цзэн Синь-и (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003, р. 43) пример: речь бывшего (2008-2016 гг.) президента Ма Ин-цзю (馬英九) (в период его работы на должности мэра Тайбэя), выходца из «внешнепровинциальной» (外省人) семьи, единодушно считалась носителями образцовой, однако и она регулярно включала фразы типа 我們有約談... /Wǒmen yǒu yuē tán.../ – «мы провели беседу...», воспринимаемые

тайваньцами как единственно естественные, а пекинцами – как ненормативные. Норма, таким образом, осознавалась носителями как локальная и процессуальная.

С позиций предикационной концепции языка (Курдюмов, 2005) подобная ситуация ожидаема: язык есть совокупность процессов предикации, а не статичная «система»; устойчивое двуязычие закономерно порождает регулярный перенос свёрнутых структур одного языка в материальную оболочку другого. «Кальки», рассматриваемые ниже, – именно воспроизведение миньнаньских предикационных моделей средствами ТГЮ, которое при достаточной частотности становится новой локальной нормой, а не «искажением» иной синхронной нормы, но при этом, напомним, отчего-то полагаемой «исходной».

В апреле 2026 г. вышла также статья Хэ Вань-шуня и Хэ Пэй-сюань (何萬順, 何佩萱 [Хэ Вань-шунь, Хэ Пэй-сюань], 2026) «Осмысление целевого языка и языка обучения в преподавании китайского языка как иностранного на Тайване», где к прежним представлениям Хэ Вань-шуня (何萬順 [Хэ Вань-шунь], 2010) добавлена возможность интерпретации генезиса ТГЮ в соответствии с концепцией «языковых кругов», которая также является теоретической и методологической основой исследований З. Г. Прошиной (2021). В этой новой статье перечисляются характеристики реального разговорного ТГЮ и анализируется возможность использования их при обучении иностранцев в вузах.

С нашей точки зрения, четыре варианта интерпретации генезиса языков:

- классический языковой контакт с понятиями адстрата (доминирующего языка пришлого населения), субстрата (языка коренного, на момент начала контакта, населения) и суперстрата (языка пришлого населения, которое не смогло вытеснить местный язык, но растворилось в нём, оставив свой след);

- пиджинизация и креолизация;

- уточнённая креолизация с уровнями *акролекта*, *мезолекта*, *базилекта*;

- теория «кругов» и обособления вариантов языков,

– в своём базовом виде и применительно к ТГЮ не противоречат друг другу и описывают один и тот же процесс: столкновение двух идиомов («общекитайский» гоюй до 1949 г. и тайваньский миньнаньский), и, далее, – параллельный генезис обособленных ТГЮ и КонтПТХ – с результатами на данный момент, которые могут быть проанализированы системно.

Материал сгруппирован по трём областям и излагается ниже; часть явлений была описана в сопоставительных работах (Cheng, 1985; Kubler, 1985a; 曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003; 何萬順 [Хэ Вань-шунь], 2010; Khoo, Her, 2025) и затем подтверждена и дополнена нашими полевыми наблюдениями в 2009–2026 гг. Перечень особенностей на данный момент не является полным, для данной работы мы выбрали лишь наиболее показательные, «шокирующие» – для типичного преподавателя или студента, изучающего китайский язык.

1. Глагольные и отглагольные элементы: вид, модальность, периферия

1.1. Конструкция 有 /yǒu/ + глагол (有 /yǒu/ + V) как показатель совершенного вида. Наиболее очевидная, легко усваиваемая при общении грамматическая черта ТГЮ: употребление 有 /yǒu/ «иметь(ся)» (хотя это совершенно не личный и не тождественный его русскому эквиваленту глагол) – в функции показателя осуществлённости действия перед глаголом, по модели миньнаньского 有 /ü/ + V:

我有看到。/Wǒ yǒu kàndào./ «Я видел».

後來她有接受你的感情嗎? /Hòulái tā yǒu jiēshòu nǐ de gǎnqíng ma?/ «Она в итоге приняла твои чувства?» (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003, pp. 43–44).

- 你有吃飯嗎? /Nǐ yǒu chīfàn ma?/ «Ты поел?».

- 有 /Yǒu/ «Да» (с интонационным выделением третьего тона).

В КонтПТХ обычно используется конструкция V + 了 /le/, где 了 /le/ – нормативный показатель совершенного вида, употребление 有 /yǒu/ – вне нормы, и 有 /yǒu/ в предглагольной позиции нормативно лишь в отрицании (没有 + V: отрицательный перфект – «не сделал чего-то»). В утвердительной форме конструкция 有 + V «прошла» весь континуум приемлемости и составляет полноценную тайваньскую норму, фиксируемую в местных учебных материалах (хотя и периодически отрицаемую университетскими преподавателями китайского языка).

При этом конструкция 有 /yǒu/ + V + 了 /le/ – не является нормой на Тайване, хотя встречается в реальной разговорной речи и легко усваивается как просторечие.

1.1.2. Прогрессив-хабитуалис (= выражение «привычного действия») 有 /yǒu/ + 在 /zài/ + V. ТГЮ располагает сочетанием 有 /yǒu/ + 在 /zài/ + V, маркирующим регулярно воспроизводимое или актуально длящееся действие; конструкция не имеет прямого аналога в КонтПТХ (где употребляются 在 + V либо лексические средства) и калькирует миньнаньскую модель с 有 /ü/:

我有在運動。/Wǒ yǒu zài yùndòng/ «Я занимаюсь спортом (регулярно)».

你有在聽嗎? /Nǐ yǒu zài tīng ma?/ «Ты [вообще] слушаешь?».

我剛有吃飽。/Wǒ gāng yǒu chī bǎo/ «Я только что поел» (ответ на приветствие).

Ср. также из корпуса Цзэн Синь-и (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003, p. 92):

我平常都沒在說英語的。/Wǒ píngcháng dōu méi zài shuō yīngyǔ de./ «Я обычно не говорю по-английски».

你有沒有在聽我說話啊? /Nǐ yǒu méiyǒu zài tīng wǒ shuōhuà a?/ «Ты [вообще] меня слушаешь?»

1.1.3. Расширение прогрессива (длящегося действия) 在 /zài/ на стативные (указывающие на состояние) глаголы. В КонтПТХ показатель длящегося действия 在 /zài/ «быть ↔ находится в ↔ в» (изначально: глагол-предлог) сочетается с акциональными глаголами, указывающими на действие); в ТГЮ, по модели миньнаньского /teh/ (или /leh/: 在、塊、咧、佇 (/-/h/ в транскрипции лишь маркирует качество гласного); пример: 他(伊)在唸書 /I teh thak-tskeh./ «Он учится». 在 /zài/ в ТГЮ сочетается со стативами и глаголами изменения состояния, фактически вытеснив конструкцию длящегося вида V + 著.

弟弟好像在發燒 /Didi hǎoxiàng zài fāshāo/ «Братишка, кажется, температурит».

我在頭痛 /Wǒ zài tóutòng/ «У меня болит голова».

我覺得他在喜歡她耶 /Wǒ juéde tā zài xǐhuan tā yē/ «По-моему, он в неё влюблён» (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003, pp. 92-93).

你到底在怕什麼啦? «Да чего ты вообще боишься-то [в данный момент]?», в КонтПТХ – без 在.

阿公現在在舒服, 就讓他多睡一會。《Дедушке сейчас хорошо/комфортно, пусть поспит ещё немного», в КонтПТХ лексема 舒服 (комфортный) не сочетается с маркером 在 /zài/: 爷爷现在觉得挺舒服的... /Yéyé xiànzài juéde tǐng shūfú de .../.

最近天氣在變冷了。《В последнее время погода холодает (находится в процессе смены температуры)»; в КонтПТХ – без 在 /zài/; тайваньский вариант с завершённым действием (совершенный вид): 天氣最近有變冷 «В последнее время погода похолодала».

1.1.3.1. «Инвертированная» модель с финальным 在 /zài/: 有 + NP + 在 или NP + 有 + 在. 在 /zài/ в конце предложения часто означает «объективно присутствует», «никуда не делось», «имеется в наличии», «налицо», «ну да, так и есть».

Очевидно, что возможны два варианта. Первый: где NP + 有 + 在 или производные со вставными наречиями, частицей 的 /de/ после 在 /zài/ могут рассматриваться «логично» – как субъектно-предикатные конструкции, то есть 在 /zài/ частично сохраняет глагольное значение (согласно системе позиционной морфологии – очевидную морфологическую позицию глагола (Курдюмов, 2005)):

雖然他年紀大了, 但是經驗都有在。/Suīrán tā niánjì dàle, dànshì jīngyàn dōu yǒu zài./ «Хотя он уже в возрасте, но опыт-то [у него] никуда не делся / объективно присутствует»; в КонтПТХ – ...但他还是有经验的 /Dàn tā háishì yǒu jīngyàn de/.

雖然現在景氣不好, 但市場的基本需求還是在。/Suīrán xiànzài jīngqì bù hǎo, dàn shìchǎng de jīběn xūqiú hái shì zài./ «Хотя сейчас в экономике спад, базовый рыночный спрос всё ещё никуда не делся (объективно существует)», в КонтПТХ – было бы использовано устойчивое выражение 还在 «ещё существует, ещё жива».

Второй вариант – де-факто переход 在 /zài/ в позицию фразовой частицы, (дополнительного) предикативизатора, подобного 也 /yě/ в языке вэньянь. Фактически это калька модели хокло 有 + NP + 佇(咧) /ū ... tī/teh(-leh)/, где финальный элемент фразы утверждает наличное, «продолжающееся присутствие» сигнификата (понятия) как действующего фактора.

每個人都有自己的壓力在。/Měi ge rén dōu yǒu zìjǐ de yālì zài./ «У каждого есть свой груз забот» (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003, pp. 93-94).

他有他的考量在。/Tā yǒu tā de kǎoliáng zài./ «У него есть свои соображения (на этот счёт)».

老人家講的話有他的道理在。/Lǎorénjiā jiǎng de huà yǒu tā de dàolǐ zài./ «В словах стариков есть своя правда».

他們的作品有一定的水準在。/Tāmen de zuòpǐn yǒu yíding de shuǐzhǔn zài./ «Их работы держат определённый уровень».

他以前有練過, 有底子在, 不怕比賽。/Tā yǐqián liànguò, yǒu dǐzi zài, bú pà bǐsài./ «Он раньше тренировался, база есть – соревнований не боится».

1.2.1. Высоочастотное футуральное 會 /huì/, переход от модальности к выражению будущего действия. «Нормативное» 會 /huì/ «уметь, мочь, владеть (навыком)» в позиции модального глагола сочетается с полноточными глаголами (她會游泳 /Tā huì yóuyóǒng/ «Она умеет плавать»), а в позиции полноточного глагола – с существительными (她會中文 /Tā huì zhōngwén/ «Она владеет китайским языком»).

В ТГЮ же 會 /huì/ регулярно выступает маркером будущего действия и обязательства – там, где КонтПТХ обходится нулевым оформлением или обстоятельством времени; в этикетных формулах такое 會 /huì/ практически грамматикализовано:

我明天會去 /Wǒ míngtiān huì qù/ «Завтра я пойду» (в КонтПТХ обычно: 我明天去).

我會再跟你聯絡 /Wǒ huì zài gēn nǐ liánluò/ «Я с Вами ещё свяжусь».

Рост частотности 會 /huì/ или его отрицания 不會 /bù huì/ связывается с влиянием миньнаньских /ē/ (會) ~ /bē/ (未、缺、麦) (Kubler, 1985a, p. 143).

1.2.2. Сочетание 會 /huì/ или отрицания 不會 /bù huì/ с «прилагательными». В ТГЮ 會 /huì/ или отрицание 不會 /bù huì/ фактически переходит в позицию связки перед качественными предикативами (приблизительный русский эквивалент: «Может быть так, что...»). Такие выражения понятны носителям КонтПТХ, но будут для них выглядеть неестественно (в КонтПТХ достаточно десемантизированного наречия 很 /hěn/ «очень» в позиции «просодической» связки):

ТГЮ: 你会很冷吗? /nǐ huì hěn lěng ma/ vs. КонтПТХ: 你(覺得)很冷吗? /nǐ (juéde) hěn lěng ma/ «Тебе (не может быть) холодно?».

ТГЮ: 這個題目會很敏感嗎? /Zhège tí mù huì hěn mǐngǎn ma/ vs. КонтПТХ: 這個題目 (你覺得) 很敏感嗎? /Zhège tí mù (nǐ juéde) hěn mǐngǎn ma/ «Эта тема (не может быть) слишком деликатной?».

1.2.3. Лексикализованное 不會 /bù huì/ или 不會的 /bù huì de/ «не стоит, не надо» повсеместно на Тайване употребляется как ответ на благодарность, т. е. как «пожалуйста». Континентальный вариант «пожалуйста» 不客氣 /bù kèqì/ (букв. «не стоит церемоний») на Тайване экспрессивно маркирован, употребляется сравнительно редко, зачастую – подчеркнута иронично.

1.3. Выражение 不行 /bùxíng/ «не пойдёт» в позиции модального глагола. В КонтПТХ 行 /xíng/ и 不行 /bùxíng/ употребляется только предикативно, как комментарий к топику текущего или предшествующего

предложения (把問題說清楚就行了 /Bǎ wèntí shuō qīngchǔ jiù xíng/ «изложить вопрос ясно и достаточно»;不行! /bùxíng/ «Нельзя!»); в ТГЮ выражение 不行 /bùxíng/ приобрело полноценное модальное употребление перед позицией глагола (≈ 不能 / 不可以 /Bùnéng/ bù kěyǐ/).

那台電腦現在不行用。/Nà tái diànnǎo xiànzài bùxíng yòng./ «Этим компьютером сейчас нельзя пользоваться».

不行浪費水啦。/Bùxíng làngfèi shuǐ la./ «Нельзя транжирить воду».

你不行拉阿姨的眼鏡喔。/Nǐ bùxíng lā āyí de yǎnjìng o./ «Нельзя хватать тетю за очки».

Источник – миньнаньские модальные 袂當 /bē-tàng/ и 袂使 /bē-sái/; характерно, что грамматикализировалась только отрицательная форма: 不能去 может быть передано как 不行去, однако *行去 не встречается (曾心怡 [Цзэн Синь-и], 2003, pp. 111-114).

1.4. Пробная конструкция V + 看看 /kàn kàn/. Значение попытки («попробовать сделать») в КонтПТХ передаётся редупликацией с финальным 看: 吃吃看 /chī chī kàn/ «попробовать на вкус»; в ТГЮ нормальна модель без редупликации основного глагола: V + 看看 /kàn kàn/, структурно совпадающая с миньнаньской V + 覓 /mǎi/:

這個你吃看看。/Zhège nǐ chī kànkān./ «Попробуй-ка это».

我先問看看。/Wǒ xiān wèn kànkān./ «Я сначала попробую спросить».

1.5. Редукция предлогов в локативных комплексах. Разговорный ТГЮ систематически опускает принятое в КонтПТХ предложно-последложное оформление, постглагольные локативы и рамочные конструкции типа 在... 裡 /zài... lǐ/ «в...» становятся маргинальными:

放冰箱 /fàng bīngxiāng/ «положить в холодильник» (ПТХ: 放在冰箱裡)。

丟垃圾桶 /diū lèsètǒng/ «выбросить в мусорное ведро».

住萬華 /zhù Wànhuá/ «жить в (районе) Ваньхуа».

Сочетаемость глагола (который в «европеизированной» традиции трактуется как непреходный) становится де-факто переходной.

2. Служебные лексемы и рамочные конструкции

2.1. Отложительное 再 /zài/. Наречие 再 /zài/ в ТГЮ высокочастотно как показатель действия, отложенного до наступления условия («затем, тогда уж»), в том числе в устойчивом лексикализованном выражении 再說 /zài shuō/ «там видно будет».

我到了再打給你。/Wǒ dào le zài dǎ gěi nǐ./ «Приеду – тогда и позвоню тебе».

以後再說。/Yǐhòu zài shuō./ «Об этом – потом».

我回來再拿。/Wǒ huílái zài ná./ «Я вернусь и заберу (посылку)».

2.2. Бенефактив (позиционный эквивалент русского дательного падежа: «кому?», «для кого?») 幫 /bāng/. Односложный глагол 幫 /bāng/ «помогать» переходит в предлог «для, вместо»; при этом прописанное в учебниках (к примеру, у Т. П. Задоевко и Хуан Шуин (2002)) континентальное 替 /tì/ «за, вместо, для» в живой тайваньской речи в этой функции не употребляется, тайваньцы ощущают его как нечто чуждое или даже неизвестное (Khoo, Her, 2025):

幫我買一杯咖啡。/Bāng wǒ mǎi yī bēi kāfēi./ «Купи мне [стакан] кофе».

我幫你洗。/Wǒ bāng nǐ xǐ./ «Я тебе постираю (вещи)» или «Я тебя помою».

老師今天請假, 我幫他上課。/Lǎoshī jīntiān qǐngjià, wǒ bāng tā shàngkè./ «Учитель сегодня взял отгул, я проведу урок за него».

我們大家都在幫你加油! /Wǒmen dàjiā dōu zài bāng nǐ jiāyóu! «Мы все за тебя болеим!».

那我現在幫你點餐喔。/Nà wǒ xiànzài bāng nǐ diǎn cān o/ «Тогда я сейчас приму у вас заказ (в ресторане)»

2.3. Степенное 到 /dào/ (≈ 得 /de/). Результатив (в китайской терминологии – т. н. «комплемент» 補語 /bǔyǔ/ степени/результата) в ТГЮ систематически вводится, в том числе и при помощи 到 /dào/ (калька миньнаньского 甲 /kǎh/; 到 /dào/ в позиции глагола означает «достигать, прибывать», в позиции предлога – «(двигаясь) до»). В КонтПТХ в позиции элемента, прикрепляющего к глаголу результат или степень, нормативным является 得 /de/ (этимологически, скорее всего, как раз и производное от 到 /dào/).

Опрошенные нами носители ТГЮ почти единодушно отмечали (не слишком значительные, но всё же) семантические/стилистические расхождения двух конструкций: 得 /de/ – менее эмоциональный, формальный «результат», 到 /dào/ – более эмоциональная «степень», т. е. 到 /dào/ маркирует усилительный оттенок («до такой степени, что (аж)...»):

我忙到頭昏眼花。/Wǒ máng dào tóu hūn yǎn huā./ «Я заработался [до того, что аж] кружится голова и рябит в глазах».

vs. 我忙得頭昏眼花。/Wǒ máng de tóu hūn yǎn huā./ «Я заработался [так, что] кружится голова и рябит в глазах».

熱到受不了。/Rè dào shòubuliǎo./ «Жарко – [аж] невыносимо» (ПТХ: 熱得受不了)。

好吃到不行! /Hǎochī dào bùxíng! «Вкусно [аж] донельзя!», при этом 到不行 /dào bùxíng/ – устойчивый тайваньский оборот.

2.4. Послелог 中 /zhōng/ как прогрессив-статив (японизм). В письменных объявлениях, вывесках и интерфейсах постпозитивный элемент 中 /zhōng/ «в процессе» (буквальное послеложное значение: «посреди..., в...») маркирует длящееся состояние, что является прямой аналогией японского суффикса 中 /-chū/ колониального периода, поддержанное современными контактами и ностальгией по японскому «золотому веку».

Примеры из тайбэйских вывесок:

營業中 /yíngyè zhōng/ «открыто» (букв. «в процессе торговли»).

施工中 /shīgōng zhōng/ «идут работы», «идёт строительство».

充電中 /chōngdiàn zhōng/ «идёт зарядка».

В КонтПТХ данная модель также известна, однако на Тайване она стилистически нейтральна и обыденна.

2.5. Союз 和 /hé/. Этот сочинительный соединительный союз со значением «и» в ТГЮ нормативно (предпочтительно – образованными тайваньцами) читается /hàn/ (а не /hé/) – черта, восходящая к пекинскому просторечию 1940-х гг., законсервированная на острове и утраченная в КонтПТХ; явление фонетико-грамматического пограничья, устойчиво опознаваемое как «тайваньское».

3. Местоимения

3.1. Отсутствие инклюзивного 咱們 /zánmen/. Пекинское инклюзивное местоимение 咱們 /zánmen, zánmen/ «мы с тобой / с вами» отсутствует в ТГЮ; оппозиция инклюзив/эксклюзив, живая в миньнаньском языке (咱 /lán/ – 阮 /gún/), в ТГЮ тем не менее не представлена, и единственной формой местоимения первого лица множественного числа остаётся 我們 /wǒmen/ «мы».

Таким образом, особенности ТГЮ не сосредоточены в некоей единственной «уязвимой» зоне грамматики: они комплексно охватывают видо-временные показатели, результаты, позиционные преобразования модальных глаголов, служебные лексемы и рамочные конструкции, местоимения, послелоги. При этом явления неоднородны как по генезису (миньнаньские кальки, маркированная консервация норм до 1949 г.; японское наследие; сдвиги узальной частотности единиц, формально сохранивших общность с КонтПТХ), так и по статусу на континууме нормативности: одни конструкции уже неотличимы для носителей от «гоюй в целом», другие могут считаться маркерами разговорности. В совокупности эти черты образуют не случайный набор «отклонений», а воспроизводимый системный профиль, позволяющий верифицировать тайваньскую речь «с первых фраз», и который неизбежно должен быть учтён при описании, преподавании и переводе. Показательно отсутствие единиц, обязательных для пекинского стандарта (инклюзивное 咱們 /zánmen/). Систематизация наших наблюдений и их типологическая интерпретация предложены в Заключение.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. В соответствии с поставленными задачами в работе выполнена инвентаризация грамматических особенностей тайваньского языка гоюй: систематизированы и проиллюстрированы аутентичными примерами группы явлений, сгруппированных по разделам грамматики – от видовых и модальных показателей в составе глагольной группы до письменных японизмов.

В ходе анализа определён генезис рассмотренных явлений: большинство из них восходит к калькированию миньнаньских предикационных моделей (видовое 有 /yǒu/ + V, прогрессив-хабитуалис 有在 /yǒu zài/ + V, расширение 在 /zài/ на стивы, степенное 到 /dào/, модальное 不行 /bù xíng/); часть представляет собой консервацию норм гоюй до 1949 г. (чтение союза 和 /hàn/); часть – японское колониальное наследие (письменный формант 中 /zhōng/); часть – не инновацию инвентаря, а сдвиг узальной частотности единиц, общих с КонтПТХ (футуральное 會 /huì/, отложительное 再 /zài/).

Установлен также статус явлений на континууме нормативности: ключевые конструкции (有 /yǒu/ + V, бенефактив 幫 /bāng/) составляют полноценную устную норму, не осознаваемую носителями как отклонение; границы между академическим стандартом гоюй, «тайванизированным» гоюй и миньнаньским идиомом имеют характер континуума, что согласуется с предикационным пониманием языка как процесса, становления национального языка – как диалектного процесса, а нормы – как фиксируемого устойчивого состояния.

Как и в предыдущих работах, продемонстрировано, что ТГЮ и КонтПТХ – параллельные наследники языка гоюй Китайской Республики, и их расхождения требуют типологического осмысления и дидактического учёта – прежде всего при подготовке российских китайстов, которым предстоит коммуникация в тайваньской языковой среде (а также в сходной с ней языковой среде малайзийского острова Пенанг, где тайваньская языковая ситуация почти воспроизводится).

Перспективы дальнейшего исследования: корпусная верификация частотных характеристик рассмотренных конструкций (в том числе на материале сбалансированного тайваньского корпуса Academia Sinica); более детальное описание конкуренции бенефактивных показателей 幫 /bāng/ и 替 /tì/; сопоставление грамматических особенностей ТГЮ с другими региональными стандартами китайского мира (Сингапур, Малайзия, Гонконг); интеграция материала в создаваемую нами академическую грамматику китайского языка в рамках предикационной концепции.

Материалы исследования | Research materials

1. 曾心怡. 當代台灣國語的句法結構: 碩士論文. 國立臺灣師範大學華語文教學研究所. 臺北, 2003. 154 頁 (Цзэн Синь-и. Синтаксические структуры современного тайваньского гоюй: магистерская диссертация. Тайбэй: Институт преподавания китайского языка Государственного Тайваньского педагогического университета, 2003).
2. 重編國語辭典修訂本. 國家教育研究院 (Китайский словарь / ред. и испр. Государственная академия педагогических исследований Тайваня). <https://dict.revised.moe.edu.tw>
3. 教育部臺灣台語常用詞辭典 (Словарь наиболее употребительных выражений тайваньского миньнаньского языка). <https://sutian.moe.edu.tw>

Источники | References

1. Дрейзис Ю. А. К вопросу о применимости термина тополект в отечественной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 10. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_24
2. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М.: Цитадель, 2002.
3. Курдюмов В. А. Китайский язык вне континентального Китая. Тайваньский гоюй: история формирования, фонетика, грамматика, лексика, дискурсивная реальность // Языковые, социальные и культурные трансформации в странах Восточной Азии в эпоху глобальных перемен: коллективная монография. М.: Языки народов мира, 2025.
4. Курдюмов В. А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-Трейд; Лада, 2005.
5. Прошина З. Г. Вариантность языка и нормативная вариативность в языке // Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой / отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова. М.: Р. Валент, 2021.
6. Тан М. В., Жигульская Д. А. 10 текстов о современном Тайване. М.: ВКН, 2023а.
7. Тан М. В., Жигульская Д. А. Лингвострановедческий аспект при разработке пособия по китайскому языку (на примере пособия по чтению «10 текстов о современном Тайване») // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: сборник научных статей. М.: Языки народов мира, 2023b.
8. Cheng R. L. A Comparison of Taiwanese, Taiwan Mandarin, and Peking Mandarin // Language. 1985. Vol. 61. No. 2. <https://doi.org/10.2307/414149>
9. Khoo H., Her O.-S. Taiwan Mandarin // Brill's Encyclopedia of Taiwan Studies Online / ed. by Hsin-Huang M. Hsiao. Leiden: Brill, 2025. <https://referenceworks.brill.com/display/db/etso>
10. Kubler C. C. The Development of Mandarin in Taiwan: A Case Study of Language Contact. Taipei: Student Book Co., 1985a.
11. Kubler C. C. A Study of Europeanized Grammar in Modern Written Chinese (Pai hua wen Ou hua yu fa chih yen chiu). Monographs on Modern Linguistics. Taipei: Student Book Co., 1985b.
12. Mair V. H. What Is a Chinese 'Dialect/Topolect'? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic Terms // Sino-Platonic Papers. 1991. № 29.
13. Rickford J. R. Dimensions of a Creole Continuum: History, Texts, and Linguistic Analysis of Guyanese Creole. Stanford: Stanford University Press, 1987.
14. 鄧守信. 現代漢語語法講義. 書林出版有限公司, 2022 (Дэн Шоу-синь. Лекции о синтаксисе современного китайского языка. Шулин, 2022).
15. 何萬順. 論台灣華語的在地化 // 澳門語言學刊. 2010. № 35-1 (Хэ Вань-шунь. К вопросу об индигенизации тайваньского китайского языка // Лингвистический журнал Макао. 2010. № 35-1).
16. 曾心怡. 當代台灣國語的句法結構: 碩士論文. 國立臺灣師範大學華語文教學研究所. 臺北, 2003 (Цзэн Синь-и. Синтаксические структуры современного тайваньского гоюй: магистерская диссертация. Тайбэй: Институт преподавания китайского языка Государственного Тайваньского педагогического университета, 2003).
17. 何萬順, 何佩萱. 反思臺灣華語教學的目標語與授課語言 // 臺灣語文研究 (Хэ Вань-шунь, Хэ Пэй-сюань. Осмысление целевого языка и языка обучения в преподавании китайского языка как иностранного на Тайване // Тайваньское языкознание). 2026. Vol. 21. № 1. [https://doi.org/10.6710/JTLL.202604_21\(1\).0003](https://doi.org/10.6710/JTLL.202604_21(1).0003)

Информация об авторах | Author information

Курдюмов Владимир Анатольевич¹, д. филол. н., проф.

¹ Московский городской педагогический университет

Vladimir Anatolievich Kurdyumov¹, Dr

¹ Moscow City University

¹ vkplans@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.06.2026; опубликовано online (published online): 29.07.2026.

Ключевые слова (keywords): тайваньский язык гоюй; путунхуа; грамматика китайского языка; языковые контакты; тайваньский миньнаньский идиом; предикационная концепция языка; Taiwanese Guoyu; Taiwan Mandarin; Putonghua; Chinese grammar; language contacts; , Southern Min; Predicational Conception of Language.